

**Мотивы жизни и смерти
в миниатюрах И. А. Бунина 1930-х годов:
специфика и функции**

Миниатюры Бунина 1930-х годов, как и вся его поздняя проза, являются вершиной его творчества и художественного мастерства. Однако если «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи» изучены неплохо, то миниатюры до сих пор остаются недостаточно исследованными. Между тем, Л. И. Зверева справедливо полагает, что миниатюры писателя – не периферия его творчества, так как в совокупности они равны крупному произведению. Поэтому сегодня необходимо продолжить исследование их поэтики с целью уяснения способов предельно лаконичного воплощения емкого философского содержания. На наш взгляд, в первую очередь в этой связи заслуживают внимание мотивы, в том числе – жизни и смерти.

Уже М. С. Штерн, изучая жанровую структуру цикла бунинских миниатюр 30-х годов, очертила круг мотивов (*смерти, катастрофы, антиномии плоти и духа, природы, России* и др.), которые развиваются в определенных частях его композиции. По мнению Г. Н. Сергеевой, мотивы *жизни и смерти, преходящего и вечного, истинного и ложного, духовного и плотского* и др., периодически усиливаясь или ослабевая, создают взаимосвязанные тематические блоки.

Представляется, что дальнейшее осмысление специфики и функций мотивов в бунинских миниатюрах должно учитывать концептуально важные выводы О. В. Сливичкой, которая показала, что в основе творчества писателя стояли онтологические во-

просы, центральный из которых – вопрос о жизни и смерти. Будучи одержимым этой проблемой, Бунин противопоставлял смерти (Танатосу) не просто жизнь, а ее высшее проявление – любовь (Эрос). При этом они составляли нерасторжимое единство, а жизнь оказывалась одновременно ужасной и прекрасной. Кроме того, при анализе мотивов следует принять во внимание наблюдения Т. Я. Каменецкой, касающиеся возрастания роли в произведениях Бунина 1930-х годов интертекстуальных связей. При этом необходимо помнить замечание Ю. Мальцева, что бунинский образ в миниатюрах значит слишком многое, его невозможно до конца расшифровать.

Результаты нашего анализа, в основе которого лежат современные представления о мотиве и типологии интертекста, свидетельствуют о следующем. В миниатюре «Ландо» мотив *смерти* представлен ее атрибутами, т.е. предметным миром (*ландо, черные лошади, бюро похоронных процессий*), в цветовой гамме которых преобладает черный цвет. Однако, попадая в контекст дачного хронотопа, они начинают выполнять жизнеутверждающую функцию. Оказывается, что тот, кого привезли, не покойник, а обыватель, одолживший ландо у приятеля (владельца бюро похоронных процессий) для поездки на дачу.

В миниатюрах «Убийца» и «Обреченный дом» (как и в «Ландо») мотив *смерти* оказывается заглавным, но функционирует здесь как его вариация – мотив *убийства*. В «Убийце» он характеризует главную героиню – она *вдова* (персонаж, связанный с Танатосом) и *убийца* своего возлюбленного, который «*на ее достаток льстился, гулял с кем попало...*». Если же учитывать интертекст повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», то можно предположить, что вместе с любовником она была и убийцей мужа. В то же время, в миниатюре не меньшую роль играет мотив *любви*, ведь вдова «*до страсти*» любила своего неверного избранника и то ли из-за безответности такого по силе чувству, то ли из-за ревности убила его. «Убийца» имеет и танаталогический хронотоп: изображенный в ней дом – место убийства, что связывает ее со следующей миниатюрой.

В «Обреченном доме», где происходит убийство часовщика неизвестным, мотив *смерти* реализуется за счет интертекстуального образа убийцы, который ассоциируется у читателей с Рас-

кольниковым («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского) и его орудия (атрибута) – *топора*. Название миниатюры также отсылает к новелле Эдгара По «Падение дома Ашеров», где был иной, но «обреченный дом». Танатос заявляет о себе и через автоинтертекст бунинского «Страшного рассказа», в котором также повествуется о странном убийстве. Но если в «Обреченном доме» возникает вопрос «*Зачем и почему?*» произошло убийство, то в «Страшном рассказе» автор дает на него ответ: «*А зачем – непостижимо*», ведь «*... самое страшное на земле – человек, его душа...*». (Отметим и интертекстуальную связь «Страшного рассказа» с новеллой Э. По через мотив *предчувствия неминуемой гибели* самими жертвами). Мотив *смерти* в «Обреченном доме» проявляется также через описание урбанистического пейзажа, где преобладают темные и черные цвета, символизирующие смерть («*черный мужчина*», «*черные окна*»). Но даже в такой, наполненной смертью, художественный мир Бунин вводит мотив *любви*, благодаря детали – маятника часов «в виде двух *обнявшихся влюбленных*».

Таким образом, во всех названных, а также остальных миниатюрах Бунина 1930-х гг., обнаруживается важная концептуальная и структурообразующая роль танатологических мотивов, которые репрезентируются через персонажей, непосредственно связанных с Танатосом (вдовы, убийцы и их жертвы), танатологические хронотопы (местом убийства оказывает дом), предметный мир, а также символичную цветовую гамму. Но все они неразрывно связаны с мотивом *жизни/любви*. В тех же миниатюрах, где, казалось бы, звучит только мотив *любви* как высшего проявления *жизни* («Первая любовь», «Ущелье», «Роман горбуна» и «Небо над стеной» и т.п.), в свою очередь, обнаруживается не менее важная роль мотива *смерти*. Так, например, в миниатюре «Небо над стеной» *вечную жизнь* символизируют и высокое небо, и восклицание восхищенного извозчика «*Мадонна!*», и сам вечный город Рим, с его древними руинами. Но эти же руины символизирует и неизбежную *смерть*. В миниатюре «Ущелье» передано упоение красотой южной природы и юной девушки, кипением жизни та-тарского аула, звуками «*дудочных переливов*» и страстным танцем горцев. Но в этом мире рядом со страстью где-то притаилась смерть, готовая в любой момент превратить соперничество тан-

цующих в роковой поединок из-за любви. Все эти миниатюры воплотили бунинское понимание места человека в мироздании, о котором О. В. Сливичкая писала: «Перед лицом непостижимых разумом космических сил (природы, эроса и смерти) личность ничтожна, человек незащищен и одинок...».